

ВСЕГДА БЕЗ МАСКИ

О ДНОЙ из первых больших ролей выпускника класса Р. С. Агамирзяна 1970 года — Владимира Летенкова, сразу пришедшего в театр, руководимый учителем, стал царь Федор в одноименной трагедии А. К. Толстого. Актер вошел в спектакль, режиссерская концепция которого была знакома и близка ему, представив нам, однако, иного Федора, непохожего на того, каким его сыграл основной исполнитель В. Особик. Если в Федоре — Особике «преждевременное изможденное сил естественных и душевных» (характеристика исторического Федора) обрекает его героя на изначальное одиночество в мире (ощутимое уже в первой части трилогии), где «справду от неправды не отличить», и камертоном роли становятся слова Федора о мире: «Мне страшно в нем», то Федора — Летенкова невозможно представить себе вне этого мира, вне общения с другими людьми.

Роль Федора столь богата исполнительскими традициями, что ни одному актеру не дано выйти в ней на сцену, не впитав в себя то главное, что сделано до него. Для В. Летенкова одна из существен-

нейших черт Федора — его человеческая простота, мягкость, исконно русское начало. Потому особый след в памяти актера оставил Федор И. М. Москвина, воспевшего прежде всего именно эти черты героя.

Сознательно избегая каких-либо заимствований, более того, смиряя свой собственный темперамент, органично проявляющийся в «современных ролях», актер искал в себе «общие точки» с ролью, памятуя о том, что «в его руках жизнь живого человека». Это бережное отношение к чужой судьбе придавало облику Федора и всего спектакля светлые краски, освещающие его мрачную атмосферу.

В одном из писем А. К. Толстой определял основу конфликта трагедии в столкновении «деятельного (Годунов) и страдательного (Федор) начал в их крайних пределах». В спектакле с участием В. Летенкова ошутима попытка объединить эти начала на правах взаимопонимания и человечности, исходящего от мироощущения актера. Его Федор не может быть одиноким. Покоренный человеческим обаянием Бориса и будучи совершенно уверенным в его даре «правителя царства», Фе-

дор ищет в нем совета и защиты. Для Толстого такой ход возможен, но неизбежная роковая необходимость истории со всей беспощадностью приводит любого человека, причастного к ней, к осознанию своей трагической вины перед остальным человечеством. Это чувство сполна испытывает Федор.

...В той же драматической трилогии А. К. Толстого, в «Царе Борисе», В. Летенков сыграл небольшую по объему, но занимающую важное место в структуре трагедии роль датского герцога Христиана, жениха царевны Ксении. Роль интересна для нас некоторым сходством «биографий» героев при абсолютно разном развившихся характерах. Если постоянный страх перед батюшкой и уединенный образ жизни сделали русского царя Федора «постником и молчаливом, более для келии и пещеры, нежели для власти державной рожденным», то мрачные стены северной тюрьмы развили во впечатлительном мальчике Христиане рыцаря, готового на подвиг во имя свободы и справедливости. Порывистость, живость, рыцарское благородство, открытость Христиана

близки натуре актера и передаются им с завидной органичностью. Но есть одна черта, объединяющая в нашем сознании этих столь разных по характеру людей, представленных актером:

И хорошо с тобой мне,
Христиан,
Так хорошо, как будто
после долгой
Разлуки я на родину
вернулся.

Таким мы и запомним Христиана, смерть которого, может быть, стала поворотным событием в судьбе Бориса, мечтавшего «любовию держать людей», но рок отомстил ему смертью жениха Ксении за «прежние вины».

...Мы не выделяем специально роли, созданные на «современном материале», не только потому, что они пока целиком соответствуют индивидуальности Летенкова, но и потому, что для актера любой человек интересен и современен, если в его судьбе, его характере заложено нравственное начало, помогающее ориентироваться в мире на высшие духовные ценности. Так, для Саши Малышева из «Романтики для взрослых» И. Зве-

ршат над ними суд, то в «Легенде» сами герои комедии Гр. Горина предоставляют вершить его зрителю, не забывая при этом как можно ярче представить свои «маски», чтобы можно было отличить «порождение природы» от ее естества. При этом труднее всего приходится Тилу, ибо он — «дух Фландрии». И Летенкову предстояло выразить это естество во всем многообразии живых человеческих проявлений. Актер не изменяет всему сделанному и понятному в человеке прежде, его герой ищет духовных контактов с окружающими людьми, пытается воздействовать на их умы и сердца, пробудить совесть. И делает это, не меняя каждый раз маску, подходящую моменту (как Н. Караченцов в спектакле М. Захарова в Московском театре имени Ленинского комсомола, с которым Летенков внутренне полемизирует), а смело открывая каждому свое лицо.

Если М. Захаров видел смысл горинского «Тила» в остром столкновении жестокости и шутовства в жизни, где обычное оборачивается страшным, заставляя человека постоянно помнить об изменчивой игре природы, то Р. Агамирзян и В. Летенков противопоставляют ей духовное начало человека, способного вслед за Тилем подхватить слова его «злой песни»:

И не бойся потом перед
божьим судом,
Отыщи и представь короля:
— О, господи! Это он меня
сделал скотом,
Это он виноват, а не я!
И — да здравствует
Фландрия!

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

«Смена» уже писала о VI Всесоюзном конкурсе артистов эстрады, о тех проблемах, которые он поднял, о его участниках и победителях.

Сегодня мы представляем некоторых лауреатов и дипломантов конкурса.

- Ленинградские мимы В. Скворцов и В. Полунин.
- Л. Рюмина (Москва) исполняет русские народные песни.
- Выступают самая молодая участница дипломант конкурса О. Тестоедова из Воронежа и В. Страхов.

Фото М. Ширмана

рева важен не сам спор с Сухоруковым, а тот нравственный и человеческий итог, который принесет этот спор. И взгляд, которым Саша провожает «поверженного начальника», стоит многих возвышенных слов о совести, взаимопонимании, человечности. Сочувственный взгляд на человека, которому нельзя помочь и в судьбе которого, может быть, ты сам что-то проглядел.

В спектакле «Притворщики» (по Э. Брагинскому и Э. Рязанову) театру удалось многое сказать об актерской профессии. Роль Тюринна досталась В. Летенкову. В пьесе Василий Тюрин несколько идеализирован, несмотря на присущее авторам ироническое отношение к своим героям. Актеру удалось «оживить модель» неудачника-правдоискателя, и спектакль воспринимается как взволнованный монолог о повседневной жизни актера, ображаемой вседневными вдохновениями. Ради счастливых мгновений, когда человек, сидящий в зале, может поверить актеру, и существует эта замечательная профессия.

В «Легенде о шутовском кошке», поставленной Р. Агамирзяном, разрешается главный вопрос бытия — о ценности и самобытности человеческой личности. Если в драматической трилогии А. К. Толстого скоморохи — народная молва — представляют героев,

Пока актеру лучше удастся вторая половина спектакля — «Родина», особенно эпизод «Молчание», в котором происходит внутреннее перерождение героя. Юному Тилу, своеобразному «притворщику по профессии», порой недостает смелости, резкости и увлеченности любым поворотом судьбы, над которым можно без боязни посмеяться. Ведь Тиль пока еще не ведает, что его ждет впереди.

Тиль бескорыстен, он предпочитает оставить на своей могиле общепринятый символ — шутовской колап. Так оно будет понятней. И каждому новому поколению предстоит разгадывать этот символ и представлять на свой лад...

Тиль на сегодня — этапная роль для В. Летенкова. Актер ждал ее — для него необычную, уже заявив о том, что волнует его в человеке, в профессии своими предыдущими работами. Ждал ее, чтобы именно в Тиле высказаться с наибольшей полнотой. Но нельзя говорить о завершенности в постижении характера только что родившегося героя, как и об исчерпанности любого живого человеческого характера, новые грани которого актеру еще предстоит исследовать.

О. ОСТРОВСКИЙ